

А. ЛУНАЧАРСКИЙ,
народный комиссар просвещения

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

Со времени так называемого предпарламента политическая ситуация совершенно выяснилась: большевики не соглашались ни на какие компромиссы и в сущности объявили открытую борьбу правительству Керенского.

Мы очень мало скрывали наши намерения. Помню, и лично мне приходилось выступать на фабриках и в казармах, и с полного одобрения нашей организации прямо заявлять перед лицом народа, что близок тот день, когда мы потребуем от правительства убраться и, если оно требования этого не исполнит, — уберем его сами.

Мы были уверены, что II съезд Советов даст нам большинство и что лозунг «Вся власть Советам» уже не впадет ни в какие противоречия с лозунгом «Диктатура пролетариата» через его авангардную партию — коммунистов. Съезд же Советов был определен на конец октября, поэтому и срок вооруженного восстания был более или менее предрешен. Целый ряд обстоятельств, однако, еще точнее фиксировал момент взрыва. Надо сказать, что в партии было не мало элементов, опасавшихся прогадать, выступив преждевременно; я помню, например, собрание ответственных работников разных фракций, на котором большинство выражало опасения в недостаточной зрелости революционного настроения масс.

Нам было, однако, известно, что из своего изгнания Владимир Ильич торопит и, наоборот, боится упустить

момент. Правительство Керенского проявляло слабость и растерянность, но не могло не видеть нескрываемых приготовлений к перевороту. Его действия накануне великого дня — попытка развести мосты, мобилизовать наиболее верные себе военные части, разогнать или арестовать Революционный комитет — послужили сигналом к началу наших действий. Можно сказать с уверенностью, что если бы Октябрьская революция не вспыхнула, — буржуазно-меньшевистское правительство пошло бы на всё, вплоть до сдачи Петрограда немецким войскам. Эвакуация ценностей из Петрограда, вплоть до эвакуации важнейших заводов, — и всё это в спешном и несколько комическом порядке, — была уже объявлена правительством Керенского.

Петроградский пролетариат и гарнизон восстали, таким образом, не только для того, чтобы начать всероссийскую революцию, но и для того, чтобы защитить себя от непосредственной опасности. В ответ на «решительные действия» правительства Керенского большевистский Революционный комитет привел в действие свои силы. И что же оказалось? Некоторые думали, что в Петрограде окажется два равноавторитетных правительства, борющихся между собой. Ничего подобного. Оказалось, что правительством по существу уже стал Революционный комитет. Силы, восставшие на защиту правительства Керенского, были абсолютно ничтожны и уже к вечеру стянулись в Зимнем дворце, единственном пункте, оставшемся в руках буржуазного правительства.

Революционный комитет всячески стремился к бескровному перевороту. Поскольку на нашей стороне оказался такой гигантский перевес — цель эта являлась естественной и вполне достижимой. В отличие от переворота в Москве, переворот в нынешнем Ленинграде произошел почти без кровопролития. Самое взятие Зимнего дворца сопровождалось перестрелкой, но раненные были только с нашей стороны.

Курьезнее всего, что правительство Керенского нашло себе защиту, главным образом, в женщинах и детях, в буквальном смысле слова. Зимний дворец защищал «бабий батальон» и некоторое количество юнцов-юнкеров. Это еще более побуждало к гуманным формам борьбы.

Петроград принял очень скоро нормальный вид:

переворот почти не отразился на внешнем виде улиц. Чисто военный характер приняли только окрестности Зимнего дворца. Вечером, или вернее ночью, открылось заседание II съезда Советов. Зимний дворец еще держался. В переполненном Колонном зале Смольного сменялись одни страстные речи другими. Ораторы большевиков говорили гневно и властно. Ораторы меньшевиков и эсеров — обиженно, раздраженно, с постоянными угрозами мести, которая де скоро наступит, главным образом, со стороны фронта. Эти дебаты всё время перемежались известиями о ходе дела в Зимнем дворце. Я помню, как меньшевики подбежали ко мне; перебивая друг друга, стали кричать, что «Аврора» бомбардирует Петроград, что уже рушится Зимний дворец. Расстреляли и Исаакий. Как ни жутко было это слышать, всё же перед всеми нами ясно стояла задача во что бы то ни стало довести дело до конца и занять Зимний дворец. Но, как известно, меньшевики попросту лгали: «Аврора» навела свои орудия на перепугавшихся правителей, но ни малейшего вреда никаким зданиям Петрограда не нанесла.

Получасом позже пришло известие, что городской голова, эсер Шрейдер, со всей эсеровско-кадетской частью думы отправился торжественным шествием к правительству не то на выручку ему, не то чтобы картинно «погибнуть вместе с ним». Этот торжественный жест выродился в чистейшую комедию. Когда шествие думцев вступило на нынешнюю площадь Урицкого, оно натолкнулось, конечно, на густое кольцо толпы, собравшейся там, а затем на цепь наших стрелков. Думцев не пропустили, а честью попросили их идти восвояси. Немножко помявшись и поломавшись, думцы разошлись по домам.

Военными действиями против Зимнего дворца руководили Антонов-Овсеенко и Подвойский. Почти каждые десять минут кто-нибудь из них телефонировал в Смольный о ходе дела. В зале дебаты продолжались, разгоряченные, окруженные ненавистью и страхом, с одной стороны, окрыленные победой — с другой. Явились делегаты из Гатчины с известием, что правительство Керенского вызвало войска из ближайших местностей и что возможно движение их против Петрограда. И вдруг, среди всех этих волнующих известий и событий, поздно ночью весть о сдаче Зимнего дворца, об аресте правительства и бегстве Керенского.

Не так легко припомнить сейчас самые перипетии этой ночи и утра: принимались первые меры к обороне Петрограда, посылались первые торжествующие телеграммы по всей России, уполномачивался Воровский для того, чтобы тотчас же вступить с воюющими державами в переговоры о всеобщем мире. Но никогда ни у одного из участников этой ночи не изгладится в памяти общее ее настроение: сверхчеловечески-интенсивное, всё какое-то пламенеющее коллективным сознанием огромной мировой важности протекающих минут.

В сущности, мы и сейчас еще не вышли из периода этой насыщенности исторической атмосферы, но, разумеется, она уже несколько разрядилась. Она постепенно переходила к норме от той великой ночи через волнения по поводу судьбы Москвы, через кризис столкновения с первыми силами, брошенными Керенским против Петрограда, через судороги, сопровождавшие Брестский мир и немецкое наступление, и дальше, и дальше через ряд опасностей, которые оказались, однако, преодоленными тем стихийным запасом организованной энергии, которая во всем своем величии разрядилась в революционную ночь. И уж тогда чувствовалось, что человек, абсолютно доросший до этих событий, естественный в их среде, словно рыба в воде, принимавший всю их совокупность и крепко державший в руках нить событий, несмотря на головокружительный ураган, взметнувшийся вокруг, — был Владимир Ильич. Его возвращение, его первое появление среди собравшихся со всех концов на съезд Советов большевиков вызвало поэтому нескончаемые взрывы восторга.

Память об этой грозной и радостной ночи неразрывно сплетается для каждого со спокойно улыбающимся лицом и твердой, такой простой, лишенной всякого напряжения, но такой величественной именно в этой простоте, — фигурой Владимира Ильича.

